

Но когда от древнего прошлого
не останется и следа,
когда умрут люди и рассыплются в прах вещи,
еще долго пребудут запах и вкус,
более хрупкие, но и более живучие,
спокойные, верные, они, как души,
перекликаются, ждут и надеются,
что на руинах всего сущего сохранят,
пусть даже в крошечной капельке,
гигантское здание памяти.

Марсель Пруст. В сторону Свана

ЗДЕСЬ ЦАРИТ ХАОС, НО НА ВЕРШИНЕ ТЫ ОБРЕТЕШЬ РАВНОВЕСИЕ. ТАМ ТЫ НАЙДЕШЬ ВСЕ ОТВЕТЫ.

H 470
H 485
H 580
H 600

1

Вся медицинская бригада, занимавшаяся Люкой Шардоном, собралась вокруг его кровати, они убрали все электроды электроэнцефалографа. Показатели электрокардиографа и других аппаратов свидетельствовали о стабильности состояния.

Пациент, пристегнутый к кровати ремнями, пришел в сильнейшее раздражение.

— Я буду говорить только с моим психиатром, а все остальные пусть уйдут. Пожалуйста...

Палата мгновенно опустела. Люка Шардон попробовал поднять голову, но не смог.

— Не пытайтесь, — сказала Санди Клеор. — Вы долго были в тяжелом состоянии, так что пройдет немало времени, прежде чем ваши мышечные рефлексы восстановятся.

— Ну да, а ремни очень кстати, они не дадут мне упасть или пораниться, так?

Психиатр присела на край кровати и убрала со лба пациента прядь светло-каштановых волос. Красивая молодая женщина — на вид не больше тридцати — была без халата: больница, где лежал Люка, находилась в сотне километров от Отделения для сложных больных¹, в котором она работала.

— Не стоит иронизировать, Люка, это для вашей же пользы, иначе нельзя.

— Чушь! Все возможно, если захотеть.

¹ Психиатрическая больница, специализирующаяся на содержании и лечении психически больных, представляющих потенциальную опасность для себя или других лиц.

— Как вы себя чувствуете?

Он взглянул в окно, повернул голову и посмотрел прямо в глаза своему врачу, в очень красивые темно-голубые глаза.

— Скажите, доктор Клеор, как долго вы пытались меня лечить — до перевода сюда?

— А вы не помните?

— Нелепый вопрос... как сумасшедший может что-то помнить? Реальность и время — понятия, ничего не значащие для безумцев, разве вы этого не знаете?

Клеор задумалась. Речь и рассуждения пациента показались ей связными, совершенно логичными и без малейшего намека на агрессию.

— Четыре месяца. Вы провели в ОТБ четыре месяца...

— Вы считаете электрошок действенной процедурой? Без нее нельзя обойтись, ее нечем заменить? Вы понимаете, какую боль причиняли мне, пока «лечили»? Знаете, каково это — получить разряд в сотни тысяч вольт? Тебе кажется, что глаза вот-вот вылезут из орбит, а все вены взорвутся. Вам стоит попробовать хоть раз, может, тогда поймете. Психиатрам следует опробовать на себе любую терапию, прежде чем применять ее к другим.

Санди Клеор искоса взглянула на ремни на запястьях пациента. Этот человек мог напасть без предупреждения, стремительно, как кобра, он не раз это делал. Психоз — непредсказуемый и разрушительный недуг, больные страдают галлюцинациями, их обуревают бредовые идеи, большую часть времени они существуют в параллельной реальности, что очень затрудняет лечение. В случае с Люкой Шардоном дело осложнялось тем, что даже в моменты просветления он оставался параноиком и любую попытку врачей и медсестер позаботиться о нем воспринимал как заговор или травлю.

— Электротерапия помогла вашей памяти вытолкнуть на поверхность некоторые воспоминания о прошлом. Как бы вы к этому ни относились, что бы себе ни думали, она вам помогла.

— Бросьте, доктор! Вы подкармливали мой страх и усугубляли страдания, считали, что лечите, но лишь ухудшали ситуацию.

Электрокардиограф подал сигнал бедствия: сердце выдавало сто двадцать ударов в минуту. Люка опустил глаза на иглу капельницы и замедлил дыхание, пытаясь успокоиться.

— Вы с доктором Полем Гамбье, этим любителем трубочного табака, вели пространные беседы, полагая, что больной «в отсуствии». А я все слышал и каждый день по крупице терял рассудок.

— Это трудно понять — и уж тем более поверить.

Он попытался рассмеяться, но закашлялся, лицо покраснело от натуги. Отдышавшись, он спросил:

— Как там Сесиль Жанна? Мертвецы все еще бродят за ней по пятам?

— Увы...

— И она по-прежнему сдирает с себя кожу, если остается без смирительной рубашки?

— К сожалению, лучше Сесиль не стало.

— И не станет. Пока она заперта в вашей больнице, покойники от нее не отвязнутся. — Он вздохнул. — Очень жаль. Она красивая женщина. У нее такие чудные темные волосы — длинные, до пояса. Я всегда любил смотреть на них, касаться ладонью. Сесиль Жанна много для меня значит. Вам это известно.

— Да, конечно.

На мгновение глаза Люки стали пустыми, но он сделал над собой усилие и вернулся к разговору:

— Пока я был в коме, кое-что происходило, доктор Клеор, и это «кое-что» может поставить под вопрос некоторые ваши варварские методы.

Психиатр не понимала, к чему клонит Люка, но, имея опыт подобных разговоров, не позволила выбить себя из колеи.

— Если знаете чудо-решение, Люка, поделитесь со мной.

— Лучше задам вопрос. Вы блестящий врач, вот и скажите, способен ли мозг исцелить сам себя? Очиститься от гнили без внешнего вмешательства, лекарств, врачей? Как заживают ссадины на коленках, даже если их не мазать йодом?

Она покачала головой:

— Выздоровление — путь к той части себя, которую мозг сознательно заблокировал. Пациенты по большей части не спо-

собны пройти этот путь самостоятельно, им мешает болезнь. Мы, психиатры, помогаем нашим пациентам разрушать барьеры.

Люка поймал взгляд Санди — он хотел, чтобы она в полной мере прочувствовала его слова.

— Я знаю правду. Я точно знаю, что произошло в тот день двадцать второго декабря, доктор. Мне известно, кто убил восьмерых игроков. Я вижу его лицо, как сейчас вижу вас, доктор.

Санди Клеор выпрямилась. Ее пациент никогда не говорил ничего подобного. Он воспринимал ее как мучительницу, считал, что она участвует в заговоре против него. Она постаралась сохранить нейтральный тон, но возбуждение брало верх.

— И кто же он? Что именно вам известно о том дне двадцать второго декабря?

Люка Шардон поднял глаза на висевшие над телевизором часы:

— Доставайте ваш серый диктофон, доктор, тот самый, которому вы доверяете все эти грошовые умозаключения.

— Я оставила его в отделении.

— Очень удачно. Поезжайте, пока дорогу не занесло снегом, и зайдите в мою палату — ту, где меня держали до перевода сюда. Я кое-что спрятал в одном из металлических прутьев кровати. Достаньте это, возьмите диктофон и возвращайтесь — оно того стоит. Надеюсь, времени у вас достаточно, потому что история, которую я собираюсь рассказать, потрясет ваше воображение.

2

22 декабря

Утро в сердце Альп выдалось сухим и морозным. В такую погоду хорошо надеть снегоступы и отправиться на прогулку. Именно так и собирался поступить аджюдан-шеф¹ Пьер Бонифас, если бы в самом конце дня ему не сообщили ужасную новость. Звонивший — горный проводник — находился в шоковом состоянии и едва мог толком объяснить, что случилось.

Вертолет национальной жандармерии, перевозивший Бонифаса и его помощника, летел над огромным лиственничным лесом. Первые лучи солнца освещали горы, их шелковистые вершины тянулись до самой Швейцарии с одной стороны и до Италии с другой. Все двадцать два года полицейской службы Бонифас не устал наслаждаться этим великолепным зрелищем, каждый день новым и разнообразным, как краски на палитре художника, но этим утром ему было не до красот, он думал о другом.

Бело-синий вертолет перелетел через озеро и опустился на небольшую поляну на высоте четырех тысяч метров. Лопасты винта подняли в воздух облака снега. Унтер-офицеры вылезли, зябко поежились и, сунув носы в воротники синих форменных курток и держа снегоступы в руках, рысцой побежали к человеку, одетому в теплый комбинезон на гагачьем пуху.

— Вы ничего не трогали? — спросил Бонифас.

Проводник повел их назад по собственным следам. Крепкий высокий парень шагал так широко, что Бонифас едва по-

¹ Старший унтер-офицер в вооруженных силах и полиции Франции, примерно соответствует старшему прапорщику в армии РФ.

спевал за ним. «Слава богу, что подъем на этом участке леса между долиной и тянущимися вверх склонами не слишком крутой...» — думал он, пыхтя и отдуваясь.

— Нет, я сразу вызвал жандармерию.

— Вы правильно поступили. А теперь расскажите поточнее, что именно произошло.

Пилот вертолета выключил двигатель, и в горах снова воцарилось безмолвие. Лес стал гуще, деревья стояли так близко друг к другу, что свет, проникавший сквозь листву, рассыпался золотыми искорками. Казалось, что этим утром природа замерзла, затаила дыхание.

— Как только выйдем на тропу, увидим высокогорный приют «Гран-Массив»¹. Теперь он в собственности города. Этот старинный дом стоит на острове посреди озера, там можно передохнуть, хотя нет ни воды, ни отопления. Вмещает приют человек десять, не больше, но от непогоды защищает.

— Знаю, — кивнул Бонифас, — был здесь недавно с семьей. Замечательное место.

Проводник вел их через кустарник, раздвигая ветки руками.

— Что да, то да, — согласился он. — На прошлой неделе туристы сообщили, что прохудилась крыша, и я вчера утром отнес туда инструменты, чтобы кровельщик положил уплотнитель и зацементировал черепицу. Сегодня он должен был все закончить.

Бонифас и второй жандарм дышали все тяжелее, мороз обжигал горло, а их провожатый не сбавлял темп. «Из гранита он, что ли, высечен, этот здоровяк?» — с некоторым раздражением подумал Бонифас.

— Приют всегда битком набит, и в дождь, и в снег. Если все места заняты, люди идут в другой, платный, он находится чуть выше по маршруту.

Трое мужчин продолжали движение, наклонялись, раздвигали ветки, покрытые сверкающим льдом. В царящей вокруг белизне было нечто сюрреалистичное.

Природа оделась в роскошный наряд, но опасность подстерегала их со всех сторон, так что расслабляться не стоило.

¹ Ассоциация пяти лыжных баз в Северных Альпах.

— Снег шел до полуночи, пока не похолодало. Сегодня утром, подойдя к дому, я сразу понял: что-то не так, на снегу не было следов — ни ног, ни снегоступов, а туристы накануне приехали, так что...

— Так что это могло означать одно: никто не выходил.

Через несколько минут они вышли из леса, и их ослепил солнечный свет. Бонифас надел темные очки. Безоблачное небо обещало чудесный день. Он сожалел, что оказался в этом волшебном уголке в воскресенье и станет первым служителем закона на месте преступления. Придется отчитываться, заполнить тонны бумаг.

Озеро и островок у подножия горы все еще оставались в тени.

— Кровь была повсюду, — продолжил свой рассказ проводник. — На кроватях, на стенах, на полу. Слева от входа лежали три тела. Почти все спали одетыми и в ботинках — ночью было жутко холодно. Знаете, на что это было похоже? На ледяную шрапнель, ударившую беднягам в спины. Дальше я не пошел. Побежал звонить и даже рюкзак там оставил. — Он остановился и посмотрел на Бонифаса. — Я повел себя как дурак. Нужно было проверить, выжил кто-нибудь или нет.

— Не корите себя, вы все сделали правильно, и место преступления осталось нетронутым, а это главное.

Бонифас экономил слова, сосредоточившись на опасном спуске. Ходьба в снегоступах требовала специального навыка и максимальной концентрации. Они довольно быстро добрались до озера и мостков, которые вели к островку, прошли через небольшую рощу и оказались перед массивным каменным строением. У входа валялся большой рюкзак проводника. Жандарм замер и инстинктивным движением расстегнул висевшую на поясе кобуру.

— Эти следы ног...

От дома вела цепочка следов, оставленная часом или двумя раньше. Они уходили вправо и за дом. Оставивший их человек был в испачканной кровью обуви.

— Раньше их тут не было, — сказал проводник.

— Уверены?

— На все сто. Утром снег был нетронутым.

Они замолчали. Аджудан-шеф внимательно оглядел окрестности. Возможно ли, что проводник подошел к дому в тот самый момент, когда убийца уже покончил со своими жертвами и собирался сбежать? Даже представлять не хочется, что ждал парня, реши он все-таки войти в дом.

Бонифас воткнул снегоступы в снег, снял перчатки. Он и его помощник достали «ЗИГ-Зауэры»¹ и держали их наготове. Жандарм сделал знак коллеге следовать за ним и направился к приоткрытой двери. Медленно снял очки. Он видел десятки мест преступления, но мгновенно понял, что нынешнее не забудет до самой смерти.

Справа находились пять тел, слева — три. Одних убили во сне — они лежали лицом к стене, свернувшись калачиком в спальных мешках. Другие — одетые и обутые — пытались уцепиться за ножки кровати. Один — здоровяк под сто тридцать килограммов веса — был совершенно голым и, судя по всему, не оказал ни малейшего сопротивления.

Бонифас сунул нос в воротник парки, чтобы не загрязнять место преступления собственными биологическими выделениями, и подошел проверить, не выжил ли кто-нибудь из несчастных.

Мертвы. Все до единого.

Он представил себе, как тела будут лежать в ряд на прозекторских столах в ожидании вскрытия, подумал о родственниках, которым придется сообщать о трагедии, и ему вдруг захотелось позвонить жене и сказать, как сильно он ее любит.

У его ног лежала молодая женщина лет тридцати, ее распахнутые глаза смотрели в потолок, руки были сложены крестом на груди, как будто она приносила себя в дар Небу. Убийца не пощадил даже женщину.

Распрямляясь, Бонифас заметил окровавленную отвертку с оранжевой рукояткой — она откатилась к ящику с инструментами, стоявшему у плинтуса. Отвертка могла быть орудием преступления, которым убийца наносил удары в шею, грудь

¹ Пистолет SIG-Sauer — штатное оружие европейских спецподразделений и полицейских.

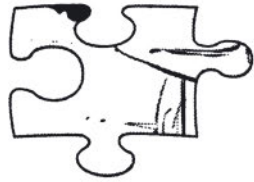
и спину несчастных. У всех мертвых туристов были роковые отметины на разных частях тела.

Пятеро мужчин и три женщины заснули рядом с убийцей — об этом свидетельствует отсутствие следов, ведущих к убежищу.

На улице раздались крики. Коллега Бонифаса орал как сумасшедший: «Стоять на месте! Не двигаться!»

Бонифас кинулся к выходу, велел проводнику остаться, и обежал дом. Солнце освещало снег, массивные гранитные громады гор тянулись вершинами к небу, как будто хотели защитить людей, столкнувшихся со злом в чистом виде. Помощник Бонифаса держал на мушке молодого парня, тот сидел у стены, подтянув колени к груди. Он был в теплой одежде и шерстяной шапочке. Бонифас заметил, что куртка и брюки испачканы кровью. Парень поднял полные слез глаза на жандармов и произнес пугающе бесцветным голосом:

— Меня зовут Люка Шардон, я не сделал ничего плохого. Скажите мне, откуда взялась вся эта кровь? И что я делаю здесь, в горах? Я ничего не помню.

3

Четыре месяца спустя

Молодой человек сидел по-турецки на краю кровати.

— Что такое «II AN 2-10-7»?

— Отстань от меня, раз и навсегда. Спокойной ночи.

— Не знаю, как насчет спокойной, но долгой она будет, как пить дать будет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ничего. Совсем ничего. Спокойной ночи от парня из палаты 27.

Санитар пошел к двери.

— Ты Алексис Монтень? — спросил молодой человек.

— Что?

— Кроме Сесиль Жанны, ты единственный, кто мне здесь нравится. Только ты никогда не желал мне зла.

— Никто не желает тебе зла. Ты у нас уже четыре месяца, пора бы понять и запомнить.

Здоровенный санитар исчез за дверью. Услышав, как щелкнул замок, пациент подошел к кровати, стянул с нее простыню и расстелил на линолеуме.

— Семь, восемь, девять...

Никто так и не смог объяснить ему, что означает надпись, вышитая синими нитками в верхнем левом углу: «II AN 2-10-7». Врачи знают кучу умных слов, умеют произносить ученые фразы, но все они спасовали перед глупой надписью на тряпке. Может, это секретный код? Магическая комбинация, открывающая дверь этой больницы? Он гадал несколько месяцев, но умрет в неведении.

Он осторожно оторвал полоску с цифрами и буквами от простыни и засунул ее внутрь одного из прутьев кровати, который ему удалось раскатать. У следующего пациента, который вскоре займет эту палату, будет шанс разобраться — если догадается отогнуть прут и заглянет внутрь.

Он справился и с кроватью — отвинтил от пола, бесшумно поставил ее на попу и прислонил к стене, потом скатал простыню в жгут, залез на стул и привязал к самым высоким прутьям.

— Сто восемь, сто девять, сто десять...

Он в последний раз заглянул в крошечный глазок, убедился, что никто не идет, и надел на голову наволочку. У него есть триста секунд. Не факт, что будет просто, но он сотни раз мысленно репетировал эту сцену и обязательно преуспеет.

Комната, в которой его держали, была серой, нейтральной, спартанской. Единственная «игрушка» — колода карт Таро на ночном столике. Сесиль Жанна была мастером гадания, она утверждала, что умеет читать будущее и посулила ему «неопределенную» участь. Сам он развлекался иначе: пытался угадать масть и достоинство карты, прежде чем перевернуть ее рубашкой вниз. Одно из немногих забавных занятий в этом худшем из всех ужасных мест, существующих в нашем мире. Как же ему выбраться отсюда, чтобы с каждой минутой не чувствовать себя все более сумасшедшим?

Он плохо различал предметы — мешала надетая на голову наволочка, — но все-таки перевернул карту и бросил ее на пол. Выпал «Повешенный». Сесиль Жанна рассказывала ему обо всех картах в колоде Таро. Эта означает, что в жизни нам подвластно далеко не все и иногда следует полагаться на судьбу.

Но он не станет полагаться на судьбу. Он боится одного — того, что ждет его *за порогом смерти*. Сначала будет чистилище: мрачное ледяное место с крошечными камерами, где каждый ждет Страшного суда. Этот неизбежный переход внушает ему невыносимый ужас.

Он осторожно влез на стул, накинуд на шею жгут из простыни. Узел находился на высоте метра восьмидесяти от пола. Ему понадобятся воля и мужество, но иначе отсюда не сбежать.

Не обрести свободу. Сесиль Жанна будет очень грустить, а может, даже повторит его путь.

— Двести тридцать один... Партия окончена.

Он поднял голову к лампочке, защищенной синей решеткой, и оттолкнул стул ногой. Ткань натянулась, узел скользнул к уху. Ступни оказались в двух или трех сантиметрах от пола — немного, но более чем достаточно. Странно, но последнее, о чем он подумал, была надпись на простыне.

Илан рывком сел на кровати. В глаза ударил яркий свет из окна, и он инстинктивным движением заслонил лицо ладонью, пытаясь успокоить дыхание и сориентироваться в пространстве и времени.

Какой жуткий сон...

Который час? Сколько он спал?

Очень мало, раз чувствует себя таким разбитым. Голова тяжелая, мысли путаются. Он встает, бредет к окну, неосознанным движением обнимает себя за плечи. В комнате ужасно холодно — снова барахлит отопление. Погреться можно разве что в лучах солнечного света, проникающего по косой через стекло. Звучит мелодия Боба Дилана «Достучаться до небес» — ожил его мобильник.

В последнее время ему звонит только патрон. Илан не реагирует, он все еще во власти ночного кошмара. Сон был таким реалистичным, что каждая деталь впечаталась в память: синяя решетка на потолке, дверь без ручки с маленьким глазком, странная надпись на простыне. Ему приснилась палата психиатрической клиники, в этом нет сомнений.

Настоящая, реальная палата психушки.

Перед глазами стоит человек, накидывающий на шею петлю. Лица его Илан не разглядел, как будто камера — воображаемая, из сна — скользнула по нему всего раз, когда он натягивал на голову наволочку. Одели его как буйнопомешанного — в омерзительный синий комбинезон. В чем смысл жуткой сцены? И почему она так врезалась в память — обычно он не помнит снов?

Телефон не замолкал. Илан собрался с духом, ушел в темный угол комнаты, молниеносно натянул на себя тренировочный костюм, взял телефон и увидел незнакомый номер. Он нажал на кнопку и сел за стол перед ноутбуком, чтобы проверить почту. Ничего нового, только дебильная реклама.

— Слушаю...

Илан положил руку на батарею — холодная как сволочь!

— Илан? Это Хлоэ.

Он оторвался от экрана и начал нервно тереть пальцами одну из фигурок ролевой игры, валявшихся на столе. Хлоэ... Он год не слышал это имя, но так и не забыл. В животе как будто бомба взорвалась.

— Хлоэ?

— Здорово, что ты не сменил номер. Как поживаешь?

— Что тебе нужно?

— У меня наконец получилось. Я нашла вход в игру. Нашла дверь в «Паранойю».

Илан поплотнее устроился в кресле на колесиках, стоявшем перед двумя компьютерами, которые круглосуточно качали фильмы с торрентов. Из трубки доносился звук работающего двигателя и возбужденный голос его бывшей подружки.

— Целый год прошел, а ты все ищешь несуществующее. «Паранойя» — миф. Коллективная иллюзия. Не могу поверить, что ты по-прежнему веришь в этот бред!

— Игра существует, она вполне реальна. И она во Франции.

Илан не сумел сдержать зевок. В последние дни он плохо спал, и усталость брала свое.

— Слушай, у меня в доме жутко холодно, так что я сейчас хочу одного — вернуться под одеяло и поспать.

— Охотишься по ночам за сокровищем? Чем занят сейчас? «Серебряной звездой»?

— Я уже почти год вкалываю на занюханной заправке, Хлоэ. Непыльной эту работу не назовешь, но на жизнь хватает. И людей иногда вижу. Единственная связь с игрой — сценарии, которые я пытаюсь пристроить. Я соскочил с крючка.

— Я в десяти километрах от твоего дома. Выиграем — заберем деньги, бросишь дурацкую работу и сможешь каждый

день ходить в ресторан — если захочешь. Жди меня и... рада была поговорить.

Илан несколько секунд не мог осознать случившееся: Хлоэ Сандерс собиралась снова войти в его жизнь самым удивительным и неожиданным образом.

Он встал, шатаясь, как боксер после нокаута. Яркий свет погас, и комнату заполнил ледяной сумрак. Он потер плечи и шагнул к окну.

Окна комнаты выходили на большой круглый сад, за которым начинались бесконечные, прихваченные морозом поля. Красивая белая пелена смыкалась у горизонта с небом. Вокруг не было ни одного дома. Маленький огород в глубине участка выглядел запущенным и весь зарос сорной травой. Отец всегда выращивал кустовые помидоры, кабачки и редиску, но после смерти родителей Илан забросил все на свете.

В том числе себя.

Он почувствовал, что промерз до костей, пошел в ванную и пустил воду. Ну конечно, ледяная. «Только бы не котел, этого я не переживу!» — мысленно воззвал он к неведомым богам домашнего очага и тут заметил, что зеркало запотело от его дыхания. Интересно было бы взглянуть на градусник, может, температура упала до нуля? Родительский дом слишком велик для него одного, он чувствует себя здесь чужим.

Илан наскоро умылся и побрился. Ему нет и тридцати, но в таком затрапезном виде он выглядит лет на пять старше. Хлоэ всегда говорила, что его глаза напоминают разбушевавшийся океан, интересно, на что они похожи сегодня — покрасневшие от бессонницы, скучной работы и невыносимой тоски по родителям?

Он попробовал привести себя в порядок, зачесал назад отросшие волосы, заправив непослушные пряди за уши. Простые, привычные движения давались ему с трудом... Вдруг он заметил на левом предплечье странный след. Маленькую ямку, как от укуса насекомого.

Илан оттянул кожу, пытаясь разглядеть, что это такое. Ни паук, ни другое мерзкое насекомое не могло сотворить ничего подобного. Такой след оставляет игла шприца, когда берут кровь на анализ или делают укол.

Илан сбегал по лестнице, проверил дверь — все заперто, окна и двойное витражное стекло веранды тоже целы. Никто не вламывался, ключи есть только у него, все замки он поменял несколько недель назад.

Он цел и невредим, он жив.

Жив, но след на руке откуда-то взялся, так ведь? А вдруг это они?

Враги его родителей, те, кто убил их два года назад. Тени, которые приходят, как только он закрывает глаза.

Он тепло оделся, не переставая обдумывать странные события последних часов. Сон, игра «Паранойя», Хлоэ, след на руке. Слишком много для человека, ведущего размеренное, подчиняющееся рутине дней существование.

Котел в подвале раскопегарить не удалось. Пришлось звонить в службу техподдержки компании «Силамб», где дежурный диспетчер ничем его не порадовал: специалист по центральному отоплению сможет прийти только через неделю, а то и позже.

Согласовав день, Илан спросил:

— Вы знаете моих родителей? Жозефа и Анжель Дедиссет?

Ответа он не дождался — собеседник повесил трубку.

Поднявшись из подвала, он подобрал подsunутую под дверь почту, утеплился и начал разбирать конверты из «Юбисофт», «Анкамы» и «Адерли», куда посылал сценарии своих видеоигр. За несколько последних лет он сочинил три оригинальные истории и сам их проиллюстрировал, но никто не заинтересовался.

Ему снова отказали. Есть от чего прийти в отчаяние. Даже не попросили прислать полный текст, не назначили встречу. Будто он и не существует вовсе.

Илан раздраженно скомкал листки и задумался о своем будущем. Всякий раз, заходя в магазинчик при бензоколонке, он начинает задыхаться, как выброшенная на берег рыба, но что еще ему остается? Без диплома хорошую работу не найдешь, тем более в индустрии видеоигр, где от любого требуют рекомендации.

Он продолжил разбирать почту и увидел две открытки, адресованные родителям: поздравления с Рождеством и Новым

годом. Отец и мать официально признаны умершими, но друзья и живущие за границей коллеги продолжают писать им. Илан никак не мог справиться с силами и сообщить анонимным абонентам, что родители больше здесь «не живут».

Тел полиция не нашла — только разбитую штормом яхту. В свидетельствах, запечатых в ящичке стола, написано: «Смерть от утопления».

Илан неделю за неделей повторял себе одно и то же: вся эта история лишена какой бы то ни было логики. Зачем его родители, опытные яхтсмены, вышли в море, зная, что надвигается шторм? Он жил с камнем на сердце, в вечном трауре. Чтобы раз и навсегда покончить с призраками, он должен увидеть тела и с уверенностью опознать их.

Отсутствие ответов — худшее из наказаний.

«...Мы надеемся, что у вас все в порядке, желаем счастья в наступающем году, обнимаем. Будете в Таиланде, непременно нас навестите...»

Илан отложил открытку и вскрыл последний конверт. Он был адресован некой Беатрис Портинари, проживающей в Париже на бульваре Распай. На почте поставили штамп «По указанному адресу не проживает». Наверное, Беатрис Портинари недавно переехала.

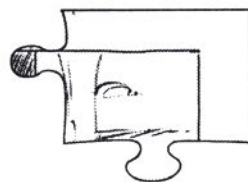
Как это попало в его почтовый ящик? Илан бросил письмо на стол: надо будет отнести его на почту — потом, если не забудет.

Конверт присоединился к куче других бумаг — счетам, квитанциям, рекламным проспектам.

Сейчас у него есть дела поважнее, чем визит в отдел доставки.

На аллее хлопнула дверца машины.

За две недели до Рождества Хлоэ Сандерс, подружка, бросившая Илана год назад, неожиданно снова вторглась в его мир.

4

«Ле Дофине Либере»
«РЕЗНЯ В ГОРАХ». Автор — Ф. Фонт.
23 декабря

Этот день обещал быть обычным кануном Рождества. В такие дни люди обдумывают меню праздничного ужина, гуляют по солнышку, катаются на лыжах. Но на этой неделе жителей долины потрясло кошмарное происшествие. Во вторник утром жандармы обнаружили в высокогорном приюте «Гран-Массив», всего в нескольких километрах от Морзина и в двух шагах от швейцарской границы, восемь бездыханных тел. В этом старинном доме на острове посреди озера Иброн зимой и летом находят пристанище множество туристов.

Следствие установило, что три женщины и пятеро мужчин были убиты во сне, всех их закололи отверткой, взятой из ящика с инструментами. Предполагаемый виновник массового убийства задержан, жандармы обнаружили его сидящим на снегу за домом. Он заявил, что не виновен и не знает, кто совершил это преступление. Аджюдан-шеф Пьер Бонифас, прибывший на место преступления одним из первых, сообщил журналистам, что мужчина не помнит, как и почему очутился в горах. Сопrotивления при задержании он не оказал и произвел на офицеров впечатление человека, потерявшего ориентацию во времени и пространстве.

Многие факты подтверждают виновность задержанного. Первый, и очень весомый, — отпечатки его пальцев на ручке отвертки и следы его ног в лужах застывшей крови вокруг лежащих на полу тел.

Кроме того, вещи молодого человека — рюкзак, спальный мешок, одежда — были найдены в доме, на одной из коек у правой

стены, где он, по всей вероятности, провел ночь. Следы на снегу вокруг шале свидетельствуют, что никто, кроме него, не входил и не выходил после 23:00, когда, по данным местной метеостанции, закончился снегопад. В отчете о вскрытии указано, что жертвы погибли между часом и четырьмя утра, значит, убийца попал в дом накануне.

По утверждениям жандармов, предполагаемый виновник преступления впал в истерику и полностью утратил контроль над собой, когда узнал, что его подружка тоже погибла. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, заявил, что против него составлен заговор, что его якобы пытались похитить, опутали лживыми домыслами и наветами. Он утверждал, что его подруга находится в шестистах километрах от места трагедии и с ней все в порядке. Он попросил отпустить его домой, забыв, что находится на высоте тысячи метров над уровнем моря, а его ботинки испачканы в крови убитых.

Вот такое странное и страшное дело. Умышленно ли подозреваемый отрицает очевидное или потерял память из-за шока? Лжет он или говорит правду и сам не ведает, что душевная болезнь толкнула его на убийство? Расследование обещает быть непростым.

Что же на самом деле произошло в ночь с 21-го на 22 декабря? Выводы делать рано, однако личные вещи погибших туристов (карты, компасы, схемы квеста) говорят о том, что все они участвовали в охоте за сокровищем или в ролевой игре наподобие знаменитой «Серебряной звезды». В Интернете можно найти части этой сложнейшей головоломки, которую не сумела решить ни одна команда «охотников».

Скорее всего, девять игроков отправились в горы и заночевали в шале, где и произошла загадочная драма. На данный момент это не более чем гипотеза. Расследование продолжается.

Подозреваемый в массовом убийстве человек находится под арестом в тюрьме Бонвиля.

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
ГОЛОВЛОМКА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Анна Ефремова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.06.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-RBD-16457-04-R